

ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.10

EDN: AUBXPL

Жизненные позиции тувинской молодежи: вариативность социокультурной субъектности

Ссылка для цитирования: Селиверстова Н. А., Сорокин О. В., Ооржак С. У. Жизненные позиции тувинской молодежи: вариативность социокультурной субъектности // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 2. С. 151–173. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.10; EDN: AUBXPL.

For citation: Seliverstova N. A., Sorokin O. V., Oorzhak S. U. Life positions of Tuvan youth: variability of sociocultural subjectivity. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 151–173. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.10; EDN: AUBXPL.

SPIN-код: 8134-7636

Селиверстова Нина Анатольевна¹

¹Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

nas0311@ya.ru

SPIN-код: 2075-3920

Сорокин Олег Владимирович¹

¹Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

ov.sorokin@gmail.com

SPIN-код: 6214-4770

Ооржак Сайлана Ужар-ооловна¹

¹Тувинский государственный университет,
Кызыл, Россия

saylana@yandex.ru

Аннотация. В статье¹ представлены результаты исследования жизненных позиций студентов-тувинцев в сферах родственных и правовых отношений. Теоретико-методологические основы исследования составили положения концепции саморегуляции жизнедеятельности молодежи и данные тувиноведения, определяющие уникальность смыслов культурного пространства тувинской молодежи. Эмпирическая база исследования – материалы фокус-групп со студентами-этническими тувинцами (2022 г.). По результатам анализа подтверждена высокая значимость родственных связей для большинства информантов-тувинцев. По смысловым основаниям отношения молодых тувинцев к феномену трудоустройства «своих» выделены традиционные, современные и гибридные жизненные позиции. Авторы подчеркивают неоднозначность гибридных жизненных позиций, в которых противоречиво komponуются представления о профессионализме как критерии выбора кандидатов на вакансию и предпочтение родственников в смоделированной ситуации отбора претендентов на должность, конкретные ожидания поддержки от родственников. Латентно противоречивость проявляется в форме идеализации потенциального взаимодействия с родственниками по вопросам трудоустройства. Предполагается, что это не вполне осознанная попытка молодых людей скрыть глубинные предрасположенности к использованию ресурса «родственные связи» за демонстрацией своей приверженности современным требованиям к процедуре трудоустройства и соответствия должности. Применительно к практикам взаимопомощи родственников кроме вышеназванных типов выделена позиция, выраженная в допущении жизни за счет богатого, успешного родственника, в ее основании – девиантные смыслы иждивенчества, потребительства.

Выявлено, что жизненные позиции тувинской молодежи в сфере права отражают общероссийские тенденции. В основании позиций законопослушной молодежи инструментальные смыслы (обеспечение порядка, безопасности) и неизбежность наказания, незаконопослушной молодежи – девиантные смыслы, суть которых проявляется в неуважении к закону и правовой инфантилизм. Позиционирование государства как нечестного партнера используется для оправдания несоблюдения законодательных норм во взаимодействии с ним. Правовой инфантилизм и правовое невежество части студентов-тувинцев, как и части других российских студентов, либерализация сознания в отношении правового поведения других людей, выходящего за рамки социальной нормы, актуализируют не только институциональную регуляцию правового просвещения и воспитания молодежи и детей, но и планомерное изменение реальности в сфере обеспечения законности. По отношению к правовому поведению других людей выделены активные (заинтересованные) и пассивные (безразличные) жизненные позиции.

Ключевые слова: тувинская молодежь, жизненные позиции, саморегуляция жизнедеятельности, смыслы, социокультурная субъектность, сфера родственных отношений, сфера правовых отношений

Введение

Жизненные позиции молодежи – предмет междисциплинарных исследований. В социологии рассматриваются внешние факторы формирования жизненных позиций молодежи [11; 35], их смысловая саморегуляция [12].

¹ Авторы выражают искреннюю благодарность Ламажаа Ч. К.-О., д. филос. н., за помощь в организации исследования, многочисленные консультации, ценные рекомендации при подготовке статьи.

В психологии фокус исследовательского внимания направлен на анализ взаимосвязи внутренних факторов и жизненной позиции молодого человека, поскольку возраст во многом определяет специфику жизненных позиций [33; 34], а также на разработку методологических основ, методики исследования жизненных позиций, апробацию их [22; 8]. Вместе с тем предметно-объектное поле исследований демонстрирует нереализованный потенциал, с одной стороны – в части жизненных позиций молодежи в конкретных сферах жизнедеятельности и отношения к определенным объектам социальной реальности, с другой – в части анализа жизненных позиций различных групп молодежи. Этнический аспект в данном случае представляется чрезвычайно актуальным. Жизненные позиции молодежи Тувы прежде не исследовались, хотя отдельные их компоненты подвергались анализу [1; 2; 3; 15; 27; 30]. К тому же заметим, что жизненные позиции при всей своей устойчивости не являются константными, изменяются в процессе накопления жизненного опыта. Цель данной статьи – выявление смысловых оснований и вариативности жизненных позиций тувинской молодежи в сферах родственных и правовых отношений. Под термином «тувинская молодежь» мы имеем в виду молодежь – жителей Республики Тыва, представителей коренного этноса тувинцев. С позиций методологии целостного подхода В. И. Чупрова и Ю. А. Зубок тувинская молодежь рассматривается как часть тувинского этноса, одновременно представляющая группу «русская молодежь».

Теоретико-методологические контуры исследования

Жизненные позиции тувинской молодежи исследованы в рамках качественной стратегии, которая согласуется с концепцией саморегуляции жизнедеятельности молодежи Ю. А. Зубок и В. И. Чупрова [13], задающей направление поиска в выявлении вариаций жизненных позиций тувинской молодежи, многообразия их смысловых оснований. В рамках данной концепции дано следующее определение предмета исследования: «Жизненная позиция как многоплановое явление на уровне сознания представляет собой систему установок, осознанных представлений и убеждений в отношении активности, определенным способом закреплённых в социальных практиках» [12, с. 85]. В этом определении выделены когнитивные составляющие и их связи с социальным действием. К. Д. Абульханова-Славская особенно подчеркивает значимость деятельностного компонента в определении понятия «жизненная позиция» как «...совокупности реализованных жизненных отношений, ценностей, идеалов и найденный характер их реализации» [1, с. 27]. Д. А. Леонтьев, интерпретируя понятие «жизненная позиция» через «отношение не просто к жизни, но к собственной жизни, как отношение субъектного к объектному в себе», когнитивные и деятельностные элементы отношения дополняет эмоциональными [22].

В концепции саморегуляции жизнедеятельности молодежи жизненная позиция анализируется в ряду показателей социокультурной субъектности, представляющих собой многомерные образования со сложной структурой, базирующиеся на смыслах.

Под смыслом в данной статье понимается осознанное субъектом значение объекта социальной реальности. В молодежной среде бытуют объективированные смыслы, воспроизводящиеся в рамках конкретных институтов, которые могут приниматься как данность на определенном этапе жизни, переосмысливаться и наполняться новым ценностным содержанием, и смыслы, порождаемые молодежью в конкретных социокультурных условиях.

Рассматривая жизненную позицию как проявление социокультурной субъектности молодежи, обратимся к трактовке исходного понятия. В. А. Луков понимает социокультурную субъектность молодежи как «способность к проявлению самостоятельной инициативы в социуме; эта осваиваемая способность, с одной стороны, обусловлена наличием конкретной цели, соответствующей мотивацией, развитым механизмом саморегуляции, осознанием своей роли и ответственности, а также наличием осознанной позитивной жизненной стратегии, с другой – противоречиво встречается приобретенными эту способность в виде жизненного опыта и соответствующего ему нормативно-ценностного сопровождения старшими поколениями» [23, с. 6]. Акцент на просоциальную направленность социокультурной субъектности создает впечатление идеализации молодежи, но автор определения, рассматривая указанный феномен в связи с процессами социализации и инкультурации, подчеркивает, что формы и направленность субъектности молодежи могут не совпадать с ожидаемыми результатами целенаправленной регуляции [23]. Варианты этих «несовпадений» и «совпадений» применительно к жизненным позициям достаточно разнообразны. В самом общем виде просоциальным жизненным позициям противостоят асоциальные и анти-социальные. Между полярными жизненными позициями, подкрепленными конкретными смыслами, на континууме располагается многообразие жизненных позиций как вполне определенных, так и неопределенных, учитывая возрастные границы группы «молодежь». Однако, мы полагаем, что не все жизненные позиции надлежит рассматривать как бинарные оппозиции. Рассмотрим выделенные ранее направленности жизненных позиций молодежи, основные характеристики которых зависят от методологии исследования и измеренных показателей. Чаще всего выделяют бинарную оппозицию: жизненные позиции активную и пассивную. Понятие «активность» подразумевает положительную коннотацию, которая эмпирически подтверждается: в своем большинстве молодежь с активной жизненной позицией интегрирована в общество. В основании активной жизненной позиции – вполне гармоничное сочетание традиционных и современных смыслов, пассивная жизненная позиция в смысловом отношении размыта и, может быть, не определена, но при этом она не исключает ситуационной активности [12]. Гражданские позиции молодежи основаны на равнодушии, включенности в социальный контекст, рефлексивности к окружающему их миру и любви к своей стране [26], по другим же исследованиям – противоречивы, затрудняют процессы социальной интеграции [36].

Жизненные позиции в конкретных сферах жизнедеятельности имеют предметную специфику. В сфере права, опираясь на исследования правосознания [14; 37], это понятие мы определяем как сочетание

представлений молодежи о действующем (позитивном) праве, установок на реализацию своих прав и исполнение обязанностей, отношения к правам и обязанностям других людей, правовому поведению окружающих людей и собственные практики взаимодействия с законом. Жизненные позиции молодежи в сфере права проявляют ее социокультурную субъектность, в первую очередь, через законопослушание/допущение нарушения законов, регуляторами которых выступают смыслы соблюдения/несоблюдения законов.

Сфера же родственных отношений не ограничивает рамками семьи предмет взаимодействия участников, ролевые функции которых предусматривают интерес практически ко всем аспектам жизнедеятельности друг друга. И это априори создает проблемную ситуацию, так как предполагает ролевые конфликты между исполнением роли родственника и другими социальными ролями, например, сотрудника какой-либо организации. По материалам фокус-групп с тувинскими студентами нами выявлено, что ключевыми компонентами их жизненной позиции в сфере родственных отношений являются представления о границах семьи (нуклеарной или расширенной), соответственно признание участников взаимодействия в качестве родственников. Уже на этом уровне определяется субъектность молодого человека, обнаруживая его принадлежность к современной или традиционной культуре. Раскрывается его субъектность в направленности жизненной позиции, которая в разной степени проявляется через установки на взаимодействие/помощь родственнику, либо их ограничение нуклеарной семьей, или отсутствие, ориентацию исключительно на себя как самостоятельного актора, собственные интересы.

Жизненные позиции формируются в конкретных социально-экономических и социально-политических отношениях, социокультурной среде, в значительной мере определяются процессами глобализации.

Культурное пространство тувинской молодежи. Понятие «культурное пространство молодежи» обосновано Ю. А. Зубок и В. И. Чупровым [13]. Они определили структуру культурного пространства как среду обитания (природная, техногенная, социокультурная) и «особую форму существования культуры в сознании людей» [13, с. 55]. Уникальность культурного пространства тувинской молодежи складывается из множества характерных условий и черт. Особенности ландшафта (горные системы Западного и Восточного Саяна, отделяющие территорию проживания тувинцев от соседних территорий) сформировали у местного населения ощущение обособленного «внутрисаянского мира» [17; 28]. Многовековые традиции кочевого скотоводства, жизнь, тесно связанная с природными циклами, – все это сформировало в культуре рациональное отношение к природе [17]. Рационализм и практичность – характерные черты тувинцев, которые сочетаются с иррациональным началом: традиционными верованиями в местных духов, хозяев мест [18]. Но современной тувинской молодежи присущи рационализм и практичность. Что касается традиционных верований, то по данным социологического опроса тувинских студентов (2022 г.), почти половина опрошенных идентифицирует себя с верующими, пятую часть

среди которых составляют последователи шаманизма [24, с. 106]. В традиционной тувинской культуре рационализм и практичность сосуществуют с ориентациями на родственную группу, в среде тувинской молодежи эти свойства встречаются в комбинации как с установками на коллективизм, так и на индивидуализм [30].

Социокультурная среда как часть культурного пространства тувинской молодежи представляет собой сложное, противоречивое смешение результатов модернизации советского и постсоветского периодов, процессов архаизации, разрушения этнокультурных традиций, явлений неотрадиционализма как видоизменения и адаптации конкретных традиций к реалиям современной жизни и включения в глобальный мир посредством цифровизации [7; 9; 17; 20; 25; 29; 32]. Адаптация традиций к современной повседневности является результатом высокой самоорганизации активных представителей тувинского этноса, среди которых бóльшую долю составляют женщины. Эта деятельность выражает защитную реакцию на модернизацию – стремление к сохранению этнической самобытности. Процессы архаизации проявились «... в возвращении патриархальности, преобладании тактики семейного выживания, увеличении доли сложных семей, даже в городских поселениях (состоящих из двух и более простых частей – родителей и детей), а также актуализации родоплеменных связей в превращенной форме – в клановости, в том числе во власти» [17, с. 106]. Для предмета нашего исследования это крайне важное условие социокультурной среды, которое мы детальнее рассмотрим в его преломлении в сознании молодых тувинцев. Итак, культурное пространство тувинской молодежи на уровне сознания составляет совокупность смыслов этнической культуры и молодежной субкультуры, отражающих как общероссийские, так и зарубежные тенденции.

Продолжающиеся исследования тезауруса современной тувинской культуры подтверждают бытование среди основных концептов, понимаемых, согласно тезаурусной концепции Вал. А. Лукова и Вл. А. Лукова, как «сращение смысла, чувственного восприятия и образа», концепта *төрөл* (что на тувинском языке означает: родственник, родня, род/родовой) [32, с. 106]. Традиционная культура предписывает тувинцу обязанность знать свой род до 9 колена [16]. Ценность родства связана с бытующим убеждением среди тувинцев о том, что самостоятельно, без помощи родственников индивид почти ничего не может достигнуть в жизни [17]. На основе этой ценности сформировалась норма обычного права: решение жизненных проблем преимущественно с помощью родственников. Данная норма остается существенным регулятором социальных отношений в тувинском обществе. В настоящее время исследователи фиксируют как распространение практик поддержания родства, взаимопомощи, оказания помощи малоимущим родственникам или оказавшимся в трудной жизненной ситуации, так и сознательный отказ от родства [32]. Традиция взаимопомощи родственников в традиционной тувинской культуре как сложная последовательность обязательных символических действий и вербальных обращений описана М. Б. Кенин-Лопсаном [16]. Родственная взаимопомощь была характерна

и в варианте предоставления работы для членов кочевой общины. По мнению В. М. Дамдынчап, система взаимопомощи в сочетании с практиками совместного кочевания сглаживали социальное неравенство населения [11]. В настоящее время это прямое обращение за помощью или помощь, оказанная по инициативе, как правило, старшей женщины в расширенной семье – родственной группе [21]. Для этого активно используются мессенджеры, в которых созданы группы родственников, взаимодействующих по широкому кругу вопросов [19].

В сложных социально-экономических (высокий уровень безработицы) и социокультурных условиях реализации традиции взаимопомощи среди тувинцев сложился феномен жизни малообеспеченных представителей рода за счет работающих, успешных родственников, распространены иждивенческие настроения, в том числе в молодежной среде [5; 31].

Упомянутая ранее норма обычного права по использованию ресурса родственных связей в решении различных жизненных проблем в ряде случаев вступает в противодействие с нормами права. А нормы обычного права и традиции молодыми тувинцами-носителями современной культуры могут определяться как девиации и даже делинквенции. На эмпирическом уровне жизненные позиции тувинской молодежи в сфере правовых отношений не исследовались, как и правовая культура, правосознание данной группы.

Методы и материалы исследования

В нашем исследовании использовался метод фокус-групп. Сценарий включал обсуждение утверждений, содержащих девиантные смыслы этнокультурного генезиса («Предпочтение своего родственника другим, более достойным кандидатам, при трудоустройстве, это нормально», «Можно жить, не работая, жить за счет успешных, богатых родственников») и универсальные для российской реальности («Закон надо уметь обходить», «В нашем мире правят деньги и не важно, как они заработаны»). Данные утверждения выполняли функцию провоцирующего элемента дискуссии и позволили зафиксировать жизненные позиции тувинской молодежи в сферах родственных и правовых отношений. Выбор предмета исследования сопряжен с реализацией методологии целостного подхода. Мы рассматриваем жизненные позиции студентов-тувинцев в отношении уникального этнического феномена и сравниваем их позиции в сфере права с позициями других российских студентов.

Эмпирическая база исследования: протоколы 3-х фокус-групп со студентами 1 и 2 курсов Тувинского государственного университета – этническими тувинцами-билингвами (18 информантов, февраль–март 2022 г.), материалы видеозаписей дискуссий. При отборе респондентов учитывался пол, обучение в городской или сельской школе. Дискуссия проводилась на русском языке. Модератор – тувинка-билингва (С. У. Ооржак). Материалы обсуждения стимульных суждений с отклоняющимися смыслами универсального характера соотнесены с протоколами 3-х фокус-групп со студен-

тами 1 и 2 курсов МГУ имени М. В. Ломоносова, РЭУ имени Г. В. Плеханова, Тюменского индустриального университета. Количество участников – 22. Время проведения: май – июнь 2021 г. Критерии отбора информантов те же. По этнической принадлежности – группа смешанная, большинство составили этнические русские. Расшифровки видеозаписей фокус-групп обрабатывались вручную, так же производились группировка суждений респондентов, подбор цитат.

Жизненные позиции в сфере родственных отношений

В процессе групповой дискуссии выяснилось, что большая часть студентов-тувинцев относит к родственникам представителей расширенной семьи/родственной группы, меньшая часть – только членов родительской семьи. Стимульное суждение «Предпочтение своего родственника другим, более достойным кандидатам, при трудоустройстве, это нормально» вызвало активное обсуждение данного феномена. На эмоциональном уровне информанты не признали нормальными практики предпочтения своего родственника другим, более достойным кандидатам, при трудоустройстве. В процессе размышлений студентов об этих практиках проявились полярные варианты отношения к ним: как к допустимым при определенных обстоятельствах и резко отрицательное, маркированное как «коррупция». Данные практики «нормальны», по мнению участников фокус-групп, если родственник обладает необходимой квалификацией, профессионален. Представления о том, что не родственные отношения должны рассматриваться как критерий выбора кандидата на вакансию, а его профессионализм, поддерживаются большинством участников группового интервьюирования, то есть проявлен компонент современной жизненной позиции.

Однако заметны различия позиций при обсуждении явления как такового и непосредственно связанного с респондентом. Моделирование модератором различных ситуаций с участием в них респондентов показало, что большинство участников фокус-групп готовы работать с родственниками. Пятая часть студентов-тувинцев четко заявили о своей жизненной позиции: «Я всего должен (-на) добиться сам (-а)». Те, кто готов выстраивать с родственниками трудовые отношения, оговаривают ряд условий: (1) брать родственников на работу при условии их соответствия должности, (2) устраиваться на работу в организацию, руководителем которой будет родственник, если обеспечено прохождение конкурса на общих основаниях, есть уверенность в соответствии должности и готовность вкладываться в развитие компании. Наблюдается некоторая идеализация в ответном моделировании возможных вариантов взаимодействия родственников в трудовом пространстве. Заметим, что приблизительно пятая часть респондентов рассматривает типичную ситуацию: обращение к родственнику, когда нет возможности трудоустроиться в другие организации.

В смоделированной ситуации «Вы – руководитель организации выбираете из двух равных кандидатов на свободную вакансию, один из них – родственник» предпочтение отдается родственнику. Часть респондентов оговаривает необходимое условие – соответствие квалификации родственника должности. В другой ситуации «Родственник пригласит на работу, но в итоге примет другого кандидата на должность» зафиксированы следующие реакции на решение родственника: (1) «если другой кандидат – профессионал, то приму как должное»; (2) независимо от того какими качествами обладает кандидат, которому отдали предпочтение, выбор его родственником будет воспринят как оскорбление и приведет к разрыву родственных связей («мне будет обидно», «я возненавижу его, это же очень обидно»). В равной мере зафиксированы полярные ожидания: не связанные с родственными предпочтениями в трудовой сфере и однозначными ожиданиями приоритета родственной связи. Сочетание установок на сотрудничество с родственниками с ожиданиями приоритета родственной связи при выборе кандидата на должность составляют традиционную жизненную позицию.

Респонденты признают трудоустройство родственников распространенным в Туве, знают о реальных случаях трудоустройства родственников в государственные организации и частные фирмы. Мнения по поводу того, насколько это уникальное тувинское явление, разделились. Часть информантов связывают его исключительно с Тувой, остальные соотносят его и с другими регионами России. Студентами-тувинцами высказана точка зрения и относительно его распространения в определенных сферах деятельности как в Туве, так и в России в целом. Один из участников фокус-группы сформулировал это так: «Все, кто связаны с властью и политикой, все своих родственников подтягивают. Даже, если рассмотрим Путина, вокруг него – его родственники».

Мнения информантов, высказанные относительно того, укрепляют ли родственные связи рассмотренные практики трудоустройства, неоднозначны: первые связаны с подтверждением усиления родственных связей («зависимость возникает»), вторые сопряжены с оценками возможных рисков. Среди них: родственник может работать вполсилы («сесть на шею», «будет хромать работа, будет халтурить»), если уволить родственника, то это может привести к конфликту («... кричать будут, что вы нас не уважаете»).

В объяснении тувинскими студентами широкого распространения феномена поддержки родственников при трудоустройстве обнаруживаются его традиционные смыслы. Некоторые из них воспроизводятся с негативной коннотацией («пережитки прошлого, раньше жили общиной»), другие имеют позитивное значение: форма помощи родственнику («чтобы родственники зарабатывали деньги»), опора на «своих» («родственникам доверия больше»). Есть и понимание мнения родственной группы как регулятора поведения («чтобы родственники не осуждали, поэтому дают работу»), что является показателем родственных взаимосвязей.

Следующее стимульное суждение «Можно жить не работая, жить за счет успешных, богатых родственников», как и в случае с обсуждением практик предпочтения родственника при трудоустройстве, вызвало эмоци-

ональные оценки большей части респондентов. Они выразились в осуждении: «это низко», «некрасиво», «нехорошо». Здесь обнаруживается непонимание того, почему нужно помогать здоровому человеку («Почему взрослого и здорового человека кто-то должен кормить и содержать?»). Модератор не уточняла состояние здоровья родственника – объекта помощи, следовательно, участники фокус-групп имеют представление о том, что за помощью могут обращаться люди, потенциально способные заработать себе на жизнь.

Последующее обсуждение позволило уточнить варианты отношения студентов-тувинцев к существующему явлению. Информанты обращают внимание на то, что факт существования успешных, богатых родственников не влечет за собой возможность жить за их счет, т. е. допускается вероятность отказа от помощи. Развитие дискуссии привело к прогностическому допущению, смоделированному одним участником исследования. Он определил условия подобного выбора для него: «Если бы мой отец заработал миллион долларов, то я бы жил за его счет». Однако и в случае, если это не отец, а другой родственник, допущение также зафиксировано. Конкретно здесь проявилась пассивная жизненная позиция – «если на то будет воля родственника, то можно жить за его счет». В ее основании – принятие иждивенчества как экзистенциального смысла. Этот аспект требует дополнительных исследований в части уточнения диапазона случаев в принятии воли богатого родственника.

В представлениях всех остальных респондентов, отрицающих для себя возможность жить за счет родственника, повторились компоненты современных смыслов. Смыслы независимости, самостоятельности, индивидуализма («человек не должен зависеть от кого-то, он должен надеяться только на себя», «хочу быть самостоятельной») и экзистенциальный смысл – самореализация («жизнь без работы, дела – скучна, человек не развивается») составляют основания жизненных позиций студентов-тувинцев.

Вопрос о том, можно ли обращаться за помощью к родственникам, они решают для себя следующим образом:

1. Обращаться за помощью к родственникам, если те действительно обладают ресурсами, можно без ограничений поводов (традиционная позиция).

2. Обращение за помощью к родственникам имеет некоторые ограничения для просителя: «если это действительно очень важно, но при этом не нагнать», «просить помощь можно, но в пределах разумного». Границы практик взаимопомощи в процессе обсуждения обрели конкретику. Рациональная, практичная и стремящаяся к независимости молодежь считает, что обращаться за помощью к родственникам можно только в случаях, когда стоит вопрос «жизни или смерти» («собрать деньги на операцию», «...когда сгорела квартира или дом, когда нет дохода, можно занять у родственника на время») или есть другие серьезные причины (проведение свадьбы, получение образования, стартовый капитал на открытие бизнеса).

3. Однако для определенной части студентов проведение свадьбы – это не повод для обращения к родственникам за помощью («надо заранее подготовиться, чтобы не просить о помощи родственников»), здесь же и ежедневные расходы («просить деньги на одежду и продукты нельзя»).

4. Есть и те, кто допускает возможность обращения к родственникам при острой необходимости, но это не безвозмездная помощь, деньги нужно возвращать «в любом случае надо отдавать, это деньги – это труд того человека, у которого ты попросил». В ответах студентов-мужчин проявилась и сугубо мужская, современная субъектность «я не смогу просить помощи» (в сингулярном варианте).

Группировка ответов на вопрос «Как вы считаете, родственники, имеющие высокий доход, должны помогать бедным родственникам?» дает дополнительную информацию об отношении тувинской молодежи к традиции взаимопомощи. Представления информантов по этому вопросу имеют градацию:

1. Однозначно не должны («каждый человек ответственен за самого себя», «никто никому ничего не должен»).
2. Это желание богатых родственников, но не долг.
3. Родственники иногда должны помогать, не всегда.

В семьях участников фокус-групп помогают родственникам. Респонденты находятся в позиции наблюдателей. Помощь оказывают работающие члены семьи, имеющие финансовые ресурсы. Анализ эмпирической информации свидетельствует о том, что студенты-тувинцы осведомлены о процессах неотрадиционализма, протекающих в Туве, и осознанно излагают свои позиции в отношении этнокультурных феноменов современной им реальности.

Жизненные позиции в сфере правовых отношений

Материалы дискуссии по суждению «Закон надо уметь обходить» позволили выделить несколько вариантов жизненных позиций тувинских студентов, различающихся по установкам на исполнение законов и определенности отношения к ним. Сформированная позиция законопослушной молодежи в своем основании имеет следующие смысловые компоненты инструментального характера («иначе начнется хаос», «нарушение законов грозит нашей безопасности»), и неотвратимости наказания («несоблюдение законов карается», «рано или поздно нарушение закона откроется и придется ответить», «по закону «бумеранга» все равно придется ответить»).

Следующая сформированная позиция незаконопослушной молодежи основана на критичном восприятии отдельных законов – «бредовые» законы можно обходить («на Ютубе много видеороликов об этом»¹). Она представляет вариант довольно типичной саморегуляции жизнедеятельности девиантного типа, оправданием которой служит несовершенство законодательства. Возражения законопослушной молодежи выражены однозначно – несовершенство законов не может служить оправданием их нарушения. В этом случае закон необходимо корректировать, вносить

¹ О несовершенных законах и способах их обхода.

изменения. В жизненной позиции этой части молодежи базу составляют представления о приоритете законов как формы регулирования социально-экономических и других отношений.

Позиция части информантов, проявляющих склонность к делинквенции на когнитивном уровне, в некоторой мере основана на правовом инфантилизме («в целом законы нужно соблюдать, но некоторые можно обходить для своей пользы, применяя законные способы», «несерьезные законы можно обходить»). Кроме того, эта позиция включает представления о том, что «все» нарушают законы и «все» об этом знают, таким образом нарушение законов уравнивает «всех». Аргумент-обращение ко «всем» служит оправданием собственных незаконных практик (пока гипотетических) как действий обычных, типизированных, а, значит, снимающих ответственность с субъектов деятельности. Студенты-тувинцы не конкретизировали понятие «все». Это отличает их от других российских студентов, исследованных нами, которые свою склонность к делинквенции объясняют тем, что люди, обладающие властью, нарушают законы и этим провоцируют остальных («если человек нарушает закон, он думает, что имеет некие привилегии, обычно это люди, которые находятся выше нас», «“сверху” идет, так скажем, противодействие закону, почему они дают нормы и их нарушают, значит и мне можно это делать»), а также – претензиями к государству («государство меньше работает на общество, поэтому здесь я бы закрыла глаза на факты обхода закона», «в России, как мне кажется, люди очень много недополучают от государства, и поэтому, если у тебя есть какой-то способ, как сохранить свой доход на чуть более высоком уровне и при этом не отдавать деньги в воздух (налоги. – Прим. авт.)... нет ничего зазорного»).

В группе других российских студентов возникает еще такое основание ненормативной позиции как ситуация. Ситуация определяет, надо соблюдать закон или стоит его обойти («...у тебя пьяные родители, и ты сел за руль без прав. Ты нарушил закон, но зато вы доехали спокойнее», «...только когда уже прям критическая ситуация, только в этом случае, а так нет смысла»).

В этой группе студенты также проявляют правовой инфантилизм («если это (обход закона – прим. авт.) никому не вредит и не переходит границы закона, то ничего плохого в этом нет»). Как и у тувинских студентов, возникает понятие «несерьезные нарушения законов». Это те законы, «нарушение которых не имеют особых последствий» («дать деньги, чтобы за тебя написали работу», «покупка справки о положительном тесте на коронавирус» (для ухода группы на дистантное обучение – прим. авт.)), если же наказание неотвратимо, то «стоит задуматься». Неуплата налогов третью респондентов отнесена к «несерьезным» нарушениям закона. Более того, в одном случае использовано обобщение как оправдание неуплаты налогов («если учитывать, что в нашей стране процветает воровство, то к неуплате налогов я отношусь позитивно»).

Основания нормативной жизненной позиции молодежи другими российскими студентами дополнены выгодами законопослушания в бизнесе – «отсутствие компромата». Ссылаются в этих случаях на практики ведения бизнеса, уплату налогов отцами.

Отношение к правовому поведению других людей, являясь компонентом жизненной позиции в сфере права, одновременно свидетельствует о некоторой устойчивости самой позиции. Анализ ответов на вопрос «Изменится отношение к другу, если выяснится, что он смог обойти закон и при этом не был пойман?» демонстрирует последовательность студентов-тувинцев в своих позициях. Те, кто допускают нарушение «несерьезного закона», «разрешают» это делать и другу (неуплата налогов, нарушение правил дорожного движения), и заявляют о неизменном к нему отношении. Среди заявивших о законопослушной позиции выражены противоположные варианты отношения к таким друзьям: заинтересованная, активная, в своем основании – ценностно-нормативная («я его предупрежу, что если так будет продолжаться, то все равно наказание последует», «осуждение с моей стороны он точно получит») и безразличная, пассивная позиция к субъекту делинквентного действия («это его проблема», «это же его жизнь»).

В основании позиций тех, кто заявил об изменении отношения к другу в описанной ситуации, есть опасение по отношению к нему («если человек намеренно обошел закон, то начну его остерегаться»), моделирование прекращения дружбы, связанное с риском попасть под влияние такого друга («я бы перестал с ним поддерживать связь, он в дальнейшем может и меня подтянуть на такое»), приоритет законопослушного поведения, равенство всех перед законом («если человек нарушив закон, отмахался деньгами, он скажет, что и в следующий раз можно отмахнуться деньгами, так что нужно отвечать за свои деяния»).

Другие российские студенты солидарны с тувинскими в обосновании неизменного отношения к другу, обошедшему/нарушившему «несерьезный» закон, но дополняют перечень «несерьезных» нарушений кражей («... ну украл и украл, но если это было бы убийство, изнасилование, то я бы прекратил с ним общение... это терпимо, может быть, нужно было ему украсть, на что-то не хватало, я бы остался с ним в дружеских отношениях»).

Следующее дополнение связано с выделением мотивации обхода закона другом, если действие вынужденное, то субъект позиции готов помочь, если преднамеренное, то продекларирован разрыв дружеских отношений. Такой друг создает риски, опасность для субъектов мнений. В одном случае проявлена готовность простить друга, «если это первый раз». В этой группе студентов так же, как и среди студентов-тувинцев бытует устойчивое мнение о том, что друг, нарушивший «серьезный» закон опасен («если этот человек серьезно нарушил закон, то сразу же обрubiла все общение, убрала бы такого человека из жизни, потому что это опасно, в первую очередь, для меня и моих близких»). Вариант безразличной пассивной позиции зафиксирован в форме: «Ну, я не полицейский, поэтому у меня нет желания наводить справедливость и порядок. Если меня это не касается, то и я касаться этого не собираюсь»).

Структура стимульного суждения «В нашем мире правят деньги и не важно, как они заработаны» определила, в свою очередь, структуру позиций студентов-тувинцев.

Рациональная позиция законопослушной молодежи

Выражена через согласие с первой частью суждения («Деньги правят миром, они дают свободу, расширяют возможности», «В деньгах – счастье, они обеспечивают комфорт и удобство. Можно все быстро получить, имея деньги, например, платные медицинские услуги», «Деньги правят. Времена такие настали, попросишь кого-то помочь, скажет “плати”») и несогласие – со второй частью («Важно, как они заработаны, они должны быть заработаны честным трудом», «Деньги для меня – показатель трудоспособности человека, того, что человек долго и усердно занимался тем или иным делом», «Деньги – показатель интеллекта, ума, образованности человека», «Всегда можно найти честный способ заработать деньги, возьми гитару и пой на улице, сними видеоролик, найди работу», «Другие люди страдают» – о последствиях нечестных заработков – *прим. авт.*»). Среди других российских студентов, как и среди студентов-тувинцев, есть те, кто демонстрируют законопослушание («Закон превыше всего, он держит наше общество в узде, чтобы мы не превратили жизнь в хаос. Очень важно, чтобы деньги были заработаны честным путем ни каким-то грабежом, денежными махинациями, обманом системы»). Они дополняют этот вариант жизненной позиции смыслом, выходящим за рамки собственной жизни («Довольно важно, чтобы деньги были заработаны честным путем... они поддерживают «белую» экономику... экономика развивается, и всем от этого лучше»), и ценностью репутации («...Важен путь и история человека, и то, как он достиг успеха. Сейчас такая тенденция, что многие зарабатывают и становятся успешными медиа-личностями, обманывая людей. <...> Люди не будут их уважать»).

Иррациональная позиция законопослушной молодежи

Выражена через несогласие с обеими частями суждения: «миром правит любовь, деньги важны, но не они правят миром, и зарабатывать их нужно честно, не нарушая справедливость». Эта мысль принадлежит студентке-тувинке, в нашем исследовании – единична. Есть основания и для рассмотрения этой позиции как оторванной от жизни, в связи с идеализацией окружающего мира.

Рациональная позиция молодежи, допускающей девиации

Выражена через согласие с обеими частями стимульного суждения («деньги правят миром», «в нашей республике далеко не во всех селах есть работа, некоторым приходится зарабатывать нечестным путем, чтобы прокормить семью. Это двусторонняя монета, как бы это «серая» мораль, нет черного или белого, хочешь жить – умей вертеться», «если дома нечего есть, то нормально (зарабатывать нечестным путем – *прим. авт.*), не голодать же»). Но не только сложные обстоятельства оправдывают «нечестные заработки». Нечестные заработки рассматриваются как свидетельство интеллекта субъекта: «Если человек очень богат, то это показатель того, что он

очень целеустремленный, умный, более развитый, чем другие, даже если заработал нечестным путем, он же как-то додумался до этого. Это показатель его сообразительности». Другие российские студенты для обоснования этой позиции используют те же аргументы, что и студенты-тувинцы, причем в тех же выражениях, обращаясь к тем же смыслам. Дополняют же они оправдания нечестных заработков апелляцией ко «всем», ранее зафиксированной в группе молодых тувинцев («...все воруют, просто кто-то больше, кто-то меньше»). В другом случае проявилась вариация либерализации правового сознания в связи с тем, насколько нечестный «заработок» касается субъекта позиции («Если бы мой друг украл бы у меня деньги, я бы перестал с ним общаться, я бы сделал ему плохо, испортил бы ему жизнь. Ну, так бы все сделали. Но, если у него нет денег, и он бы украл деньги у кого-то, не касаясь меня никак, то у меня бы не изменилось мнение, потому что, если он не может пойти и заработать, ему лень или ему проще украсть, то почему нет? Пусть он ворует. *Это его жизнь, он тоже личность*» – курсив авторов). В процессе дискуссии другие российские студенты самостоятельно, без каких-либо действий модератора пытались обобщить высказанное и услышанное, облечь в форму молодежной максимы: 1. «Мы не против воровства, но сами воровать не будем. А то так звучит это все, словно мы готовы что-то украсть уже завтра» и 2. «Мы против воровства, но мы не осуждаем людей». Кроме либерализации правового сознания за этим скрываются попытки и понимания правонарушителя, и обособления от социума.

Рациональная позиция молодежи, проявляющей безразличие к девиациям

У тувинских студентов она выражена через согласие с первой частью суждения («деньги правят миром») и безразличное отношение к людям, зарабатывающим нечестным путем («я им не судья», «меня это не касается», «мне все равно, как люди зарабатывают»). Другие российские студенты в обосновании второй части позиции более четко демонстрируют либерализацию правового сознания в варианте, когда терпимость к правам другого человека выходит за рамки нормы, оказывается за гранью здравого смысла («Я считаю, что человек сам выбирает каким путем ему зарабатывать деньги. Я не осуждаю ни в коем случае никого, кто выбирает нечестный путь, но лично я придерживаюсь официального заработка и честно заработанных денег»). Этот вариант, как и рассмотренные выше, представляют собой иные формы либерализации правового сознания, нежели выявленные в начале 2000-х и связанные с осознанием своих прав учащейся молодежью и информированностью о фактах их нарушения [14]. В исследованиях последних лет умение отстаивать свои права большинство опрошенных студентов оценило выше, чем выполнение обязанностей [6].

Ответы-суждения студентов-тувинцев и других российских студентов об их отношении к друзьям, заработавшим деньги противоправными действиями (часть студентов столкнулась с этим на практике, часть студентов излагала, опираясь на собственные представления) схожи. В обеих группах повторились точки зрения, высказанные ранее в дискуссии по суж-

дению «Закон надо уметь обходить». Мы же фокусируем внимание на том, что в жизненных позициях части студентов в обеих группах четко прослеживается разделение отношения к человеку, заработавшему на преступлении против личности, и – на преступлении против государства. Преступление против личности менее допустимо, чем преступление против государства (студенты-тувинцы – «... если человек-киллер убил человека и зарабатывает, это уже другой вопрос. В более легких случаях отношение не поменяется. Например, если не заплатил налоги, мое отношение никак не поменяется»; другие российские студенты: «если обманывал людей на деньги, то тут 100% поменяется в худшую сторону, если, например, налоговые махинации или что-то связанное с государством, наверное, не поменяется», «это будет зависеть от того, насколько нечестно были заработаны эти деньги, какой вред наносит этот способ, то есть, если это для государства какой-то вред, то это не так страшно, как обманывать людей на деньги»; «если он заработал, не обманывая других людей, то заработал и заработал <...>, а если он убил человека и ему за это заплатили, то я не смогу общаться с таким человеком»).

Подобное отношение к государству подтверждается другими исследованиями. По данным опроса Центра социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН с суждением «Государство обмануть не грех, от него не убудет» согласны 30% молодых мужчин и 23% молодых женщин¹. Это отношение характерно для разных возрастных групп, так «серую» зарплату россияне оправдывают тем, что «государство у них больше отбирает, чем дает» [28, с. 96].

Обобщая результаты анализа по выявлению жизненных позиций тувинской молодежи в сфере права, подчеркнем, что позиции законопослушной молодежи сочетают признание приоритета закона как с заинтересованным, так и безразличным отношением к правовому поведению других людей; позиции незаконопослушной молодежи включают допущение обхода закона и безразличное отношение к правовому поведению других людей.

Заключение

Большая часть жизненных позиций тувинской студенческой молодежи – нереализованные отношения, они проявлены преимущественно на когнитивном уровне, что определяется социальным статусом группы. Эти нереализованные отношения, в основании которых результаты осмысления и переосмысления специфических этнических явлений и наделения объектов социальной реальности смыслами, специфичными для российской молодежи, отражают проявления социокультурной субъектности тувинской молодежи.

Анализ эмпирической информации подтвердил высокую значимость родственных связей для большинства респондентов. Вариации жизненных позиций студентов-тувинцев в сфере родственных отношений показывают,

¹ Данные репрезентативного социологического исследования российской молодежи, проведенного в 133 населенных пунктах 11 субъектов РФ. Тип выборки – квотная, репрезентация обеспечена по полу, возрасту и типу поселения, n = 1640.

что их готовности взаимодействовать с родственниками определяются предметом, ситуацией интеракций, своеобразной системой ограничений или ее полным отсутствием. В отношении феномена трудоустройства «своих» выявлены (1) традиционные жизненные позиции, включающие предрасположенности к преодолению сложностей трудоустройства с помощью ресурса «родственные связи» и однозначные ожидания поддержки от родственников, в основании позиций – смыслы поддержки «своих», опора на «своих»; (2) современные жизненные позиции, исключающие возможность участия в подобных практиках, в основании позиций – экзистенциальные смыслы независимости, самостоятельности, самореализации; (3) гибридные жизненные позиции, допускающие обращение к ресурсу «родственные связи» при определенных условиях (прохождение конкурса, наличие профильного образования, трудности трудоустройства и т. д.), в их основании смешение современных смыслов «труд как источник саморазвития и заработка», «карьера» и традиционных – опора на «своих», поддержка «своих». В гибридных жизненных позициях противоречиво komponуются представления о профессионализме как критерии выбора кандидатов на вакансию и однозначное предпочтение родственников в смоделированной ситуации «Вы – руководитель ...», конкретные ожидания поддержки от родственников. Латентно противоречивость проявляется в форме идеализации потенциального взаимодействия с родственниками в вопросах трудоустройства. Возможно, это попытка молодых людей скрыть глубинные предрасположенности к использованию ресурса «родственные связи» за демонстрацией своей приверженности современным требованиям к процедуре трудоустройства и соответствия должности.

Отношение студентов-тувинцев к традиционным практикам взаимопомощи родственников, включающим финансовую поддержку, подтверждает значимость предмета взаимодействия. Выявлены как традиционные жизненные позиции, не ограничивающие обращения к родственникам за помощью, так и современная (в единичном варианте), выражающая независимую мужскую субъектность, а также гибридные жизненные позиции молодых тувинцев, не только определяющие условия взаимопомощи, но и допускающие отказ от нее субъекта помощи. В основании гибридных жизненных позиций – смешение традиционного смысла поддержки «своих» и индивидуалистических, инструментальных смыслов, а также договорные отношения. Жизненная позиция, выраженная в допущении жизни за счет богатого, успешного родственника, и, проявленная в сингулярном варианте, в своем основании содержит девиантные смыслы иждивенчества, потребительства. К традиционной тувинской культуре это явление не имеет отношения, оно обращает внимание на то, что принятие иждивенчества как смысла жизни возможно и среди тувинских студентов.

Жизненные позиции тувинской молодежи в сфере права отражают общероссийские тенденции. В основании позиций законопослушной молодежи инструментальные смыслы (обеспечение порядка, безопасности) и неизбежность наказания. В основании позиций незаконопослушной молодежи – девиантные смыслы, суть которых проявляется в неуважении к закону и правовой инфантилизм. Здесь же и отношение к государству как нечестному партнеру,

что используется в аргументации несоблюдения законодательных норм во взаимодействии с ним. Правовой инфантилизм и правовое невежество части студентов-тувинцев, как и части других российских студентов, либерализация сознания в отношении правового поведения других людей, выходящая за рамки социальной нормы, актуализируют не только целенаправленную регуляцию правового просвещения и воспитания молодежи и детей, но и укрепление статуса права, повышения доверия к закону как объективному основанию формирования установок на законопослушание.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с. EDN: SGBTRN.
2. Анайбан З. В. Социальные ожидания и ценностные ориентации учащейся молодежи Тувы // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 151–156. DOI: 10.31857/S013216250018548-5; EDN: SUZDSF.
3. Анайбан З. В. Трудовая занятость и социально-профессиональные ориентации молодежи современной Тувы // Новые исследования Тувы. 2018. № 2. С. 112–131. DOI: 10.25178/nit.2018.2.6; EDN: OUJMSB.
4. Анайбан З. В. Молодежь Тувы и Хакасии в XXI веке: Этно-социологические очерки. М.: ИВ РАН, 2017. 240 с. EDN: YNPQYP.
5. Балакина Г. Ф., Кылыгдай А. к. Ч. Особенности адаптации этнических групп Тувы к рыночной экономике // Новые исследования Тувы. 2016. № 2. С. 73–89. EDN: ZGUOX.
6. Баляев С. И., Буркова Д. А., Морозова Н. Н. Особенности представлений о законе и справедливости у студентов вуза // Образование и наука. 2019. Т. 21. № 8. С. 112–129. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-8-112-129; EDN: RPMCV.
7. Будегечиева Т. Б. Тувинская культура: материальное и духовное, традиции и новации: монография. Кызыл: ТувГУ, 2018. 115 с.
8. Буюкова К. И., Малкова И. Ю., Будакова А. В. Диагностика субъектной позиции участников волонтерской деятельности в образовании // Вестник ТомГУ. 2021. № 467. С. 55–63. DOI: 10.17223/15617793/467/7; EDN: BEWANE.
9. Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке / Отв. ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл: б. и., 2021. 188 с.
10. Дамаданова С. Р. Вовлечение учащейся молодежи в научную деятельность как средство актуализации культурных ценностей отечественного наследия и формирования активной жизненной позиции молодого поколения // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 5. С. 265. EDN: ZQNJDN.
11. Дамдынчап В. М. Роль обычного права в развитии тувинского общества (вторая половина XIX-первая половина XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Абакан, 2006. 23 с. EDN: ZNSDUZ.

12. Зубок Ю. А., Чупров В. И. и др. Жизненные позиции молодежи: смысловые основания формирования // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 3. С. 79–98. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.738; EDN: YXTHRJ.
13. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности. М.: Норма, 2020. 304 с. EDN: WLJWBA.
14. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Правовая культура молодежи в ракурсе трансформационных стратегий // Социологические исследования. 2006. № 6(266). С. 37–46. EDN: KVENLB.
15. Кекеева З. О., Уварова Г. Н. и др. Исследование сетевой идентичности студенческой молодежи регионов России (на примере Калмыкии и Тувы) // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 169–179. DOI: 10.25178/nit.2022.4.13; EDN: JQGIOJ.
16. Кенин-Лопсан М. Б. Традиционная культура тувинцев. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 2021. 248 с.
17. Ламажаа Ч. К. Тува между прошлым и будущим. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетейя, 2011. 368 с. EDN: SDSPJV.
18. Ламажаа Ч. К. Национальный характер тувинцев. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 240 с.
19. Ламажаа Ч. К. Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. 2021. № 2. С. 115–129. DOI: 10.25178/nit.2021.2.10; EDN: DSAAID.
20. Ламажаа Ч. К. Очерки современной тувинской культуры. СПб.: Нестор-История, 2021. 192 с.
21. Ламажаа Ч. К. Основные проблемы исследования родства и родственных групп современных тувинцев: паспортизация, терминология и поддержание родства // Новые исследования Тувы. 2021. № 4. С. 6–21. DOI: 10.25178/nit.2021.4.1; EDN: UVFFFO.
22. Леонтьев Д. А., Шильманская А. Е. Жизненная позиция личности: от теории к операционализации // Вопросы психологии. 2019. № 1. С. 90–100. EDN: MEJWMI.
23. Луков В. А., Луков С. В. Субъектность молодежи в процессах социализации и инкультурации // Горизонты гуманитарного знания. 2020. № 1. С. 3–20. DOI: 10.17805/ggz.2020.1.1; EDN: XXVOFB.
24. Лютенко И. В. Социокультурные представления тувинской молодежи с нетрадиционной религиозностью (социологический опыт) // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29. № 2. С. 103–116. DOI: 10.19181/nko.2023.29.2.9; EDN: GWXIIS.
25. Мадюкова С. А., Попков Ю. В. Социокультурный неотрадиционализм: воспроизведение традиций и воспроизводство этничности // Новые исследования Тувы. 2010. № 2. С. 25–39. EDN: PHHLHN.
26. Нартова Н. А. Гражданственность в представлении петербургской молодежи и их родителей // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 38–47. DOI: 10.31857/S013216250007742-9; EDN: URRZSE.

27. Персидская О. А. Роль ценностных ориентаций молодых тувинцев в пространственном развитии Республики Тыва // Новые исследования Тувы. 2019. № 3. С. 41–51. DOI: 10.25178/nit.2019.3.4; EDN: SDRRQS.

28. Покида А. Н., Зыбуновская Н. В. Правовые ценности современных россиян: приоритеты и противоречия // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 92–99. DOI: 10.31857/S013216250008327-2; EDN: KMKVLB.

29. Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. «Затерянный мир»: тувинская культура в центр-периферийной интерпретации геокультурного и социокультурного пространства // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 225–236. DOI: 10.25178/nit.2022.1.15; EDN: VLVCDB.

30. Селиверстова Н. А., Сорокин О. В., Ооржак С. У. о. Смысловые компоненты в представлениях о родине тувинской студенческой молодежи // Новые исследования Тувы. 2023. № 1. С. 110–124. DOI: 10.25178/nit.2023.1.6; EDN: KKAIJJ.

31. Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва / Отв. ред. З. Т. Голенкова. М.; Кызыл: ФНИСЦ РАН, 2020. 128 с. EDN: LLBIHS.

32. Тувинцы: Родные люди / Отв. ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб.: Нестор-История, 2022. 360 с. EDN: VXUTKJ.

33. Фоминых Е. С. Взаимосвязь самооффективности и жизненной позиции молодежи // Вектор науки ТГУ. Сер.: Педагогика, психология. 2020. № 2(41). С. 55–59. DOI: 10.18323/2221-5662-2020-2-55-59; EDN: MKVZGV.

34. Фоминых Е. С. Аналитичность-холистичность в проблематике ментальных основ жизненной позиции молодежи // Гуманитарные науки (г. Ялта). 2021. № 3(55). С. 127–133. EDN: LBALRL.

35. Хиль И. М. Правовое сознание, социальная роль и активная жизненная позиция молодежи // Юридический вестник КубГУ. 2012. № 2(11). С. 15–17. EDN: QIZKDR.

36. Шиняева О. В., Ахметшина Е. Р., Ключева Т. В. Патриотизм и гражданские позиции студентов высших учебных заведений в контексте социальной модернизации // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2021. № 3. С. 63–78. DOI: 10.24412/2071-6141-2021-3-63-78; EDN: QHKCSN.

37. Muñoz S. M. Unpucking Legality Through La Facultad and Cultural Citi-zenship: Critical and Legal Consciousness Formation for Politicized Latinx Undocumented Youth Astivists // Equity and Exellence in Education. 2018. Vol. 51. No. 1. P. 78–91. DOI: 10.1080/10665684.2018.1441762.

Получено редакцией: 14.12.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Селиверстова Нина Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра социологии молодежи

Сорокин Олег Владимирович, кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра социологии молодежи

Ооржак Сайлана Ужар-ооловна, заведующая сектором отдела организации научных исследований

DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.10

Life Positions of Tuvan Youth: Variability of Sociocultural Subjectivity

Nina A. Seliverstova

Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS, Moscow, Russia

nas0311@ya.ru

ORCID: 0000-0001-9691-3020

Oleg V. Sorokin

Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS, Moscow, Russia

ov.sorokin@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2597-9465

Saylana U-o. Oorzhak

Tuvan State University, Kyzyl, Russia

saylana@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3048-6497

For citation: Seliverstova N. A., Sorokin O. V., Oorzhak S. U. Life positions of Tuvan youth: variability of sociocultural subjectivity. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 151–173. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.10; EDN: AUBXPL.

Abstract. The article presents the results of a study of the life positions of Tuvan students in the areas of kinship and legal relations. The theoretical and methodological foundations of the study consisted of the provisions of the concept of self-regulation of youth life activity and the data of Tuvan studies, that determine the unique meaning of the cultural space of Tuvan youth. For the empirical basis of the study materials from focus groups with ethnic Tuvan students (2022) were used. The results of the analysis confirmed the high importance of family ties for the majority of Tuvan informants. Based on the semantic basis of the attitude of young Tuvans to the phenomenon of employment of “their kin”, traditional, modern and hybrid life positions are identified. The authors emphasise the ambiguity of hybrid life positions, that promote conflicting ideas such as professionalism as a criterion for selecting candidates for a vacancy and the preference of relatives in a simulated situation of selecting applicants for a position, specific expectations of support from relatives. Latent inconsistency manifests itself in the form of idealisation of potential interaction with relatives on employment issues. It is assumed that this is a not entirely conscious attempt by young people to hide deep-seated predispositions to use the “family ties” resource behind a demonstration of their commitment to modern requirements for the employment procedure and suitability for the position. In relation to the practices of mutual assistance of relatives, in addition to the above-mentioned types, a position is highlighted, expressed in the assumption of living at the expense of a rich, successful relative, based on the deviant meanings of dependency and consumerism.

It was revealed that the life positions of Tuvan youth in the field of law reflect all-Russian trends. The positions of law-abiding youth are based on instrumental meanings (ensuring order, security) and the inevitability of punishment, while positions of lawless youth are based on deviant meanings, the essence of which is manifested in disrespect for the law, and legal infantilism.

Positioning the state as a dishonest partner is used to justify non-compliance with legal norms in interaction with it. Legal infantilism and legal ignorance of some Tuvan students, as well as some other Russian students, liberalisation of consciousness regarding the legal behaviour of other people that goes beyond the social norm, update not only the institutional regulation of legal education and upbringing of youth and children, but also a systematic change in reality in the field of ensuring the rule of law. In relation to the legal behaviour of other people, active (interested) and passive (indifferent) life positions are identified.

Keywords: Tuvan youth, life positions, self-regulation of life activities, meanings, sociocultural subjectivity, sphere of family relations, sphere of legal relations

References

1. Abulkhanova-Slavskaya K. A. Strategiya zhizni [Strategy of life.]. Moscow, Mysl, 1991: 299 (in Russ.). EDN: SUZDSF.
2. Anajban Z. V. Social expectations and value orientations of Tuva students. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2022: 2: 151–156 (in Russ.). DOI: 10.25178/nit.2018.2.6; EDN: OUJMSB.

3. Anajban Z. V. Labour employment and socio-professional orientations of young people of modern Tuva. *Novye issledovaniya Tuvy*, 2018: 2: 112–131 (in Russ.). DOI: 10.25178/nit.2018.2.6; EDN: OUJMSB.
4. Anajban Z. V. Youth of Tuva and Khakassia in the XXI century: Ethnosociological essays. Moscow, IV RAN, 2017: 240 (in Russ.). EDN: YNPQYP.
5. Balakina G. F., Kylgydaj A. k. Ch. Features of adaptation of ethnic groups of Tuva to the market economy. *Novye issledovaniya Tuvy*, 2016: 2: 73–89 (in Russ.). EDN: ZGUOX.
6. Baljaev S. I., Burkova D. A., Morozova N. N. Features of perceptions of law and justice among university students. *Obrazovanie i nauka*, 2019: 21: 8: 112–129 (in Russ.). DOI: 10.17853/1994-5639-2019-8-112-129; EDN: RPMCV.
7. Budegechieva T. B. Tuvan culture: material and spiritual, traditions and innovations: a monograph. Kyzyl, TuvGU, 2018: 115 (in Russ.).
8. Bujakova K. I., Malkova I. Ju., Budakova A. V. Diagnostics of subject position of participants of volunteer activity in education. *Vestnik TomGU*, 2021: 467: 55–63 (in Russ.). DOI: 10.17223/15617793/467/7; EDN: BEWAHE.
9. Dagylga: Tuvan rites of consecration in the XXI century]. Ed. by Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii. Kyzyl, 2021: 188 (in Russ.).
10. Damadanova S. R. Involvement of students in scientific activities as a means of actualisation of cultural values of the national heritage and formation of an active life position of the young generation. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2017: 5: 265 (in Russ.). EDN: ZQNJD.
11. Damdynchap V. M. The role of customary law in the development of Tuvan society (second half of the 19th – first half of the 20th century): abstract of diss. Abakan, 2006: 23 p. EDN: ZNSDUZ.
12. Zubok Ju. A., Chuprov V. I. et al. Life positions of youth: semantic bases of formation. *Vestnik instituta sotziologii*, 2021: 12: 379–98 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.738; EDN: YXTHRJ.
13. Zubok Ju. A., Chuprov V. I. Youth in the cultural space: self-regulation of life activity. Moscow, Norma, 2020: 304 (in Russ.). EDN: WLJWBA.
14. Zubok Ju. A., Chuprov V. I. Legal culture of youth in the perspective of transformation strategies. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2006: 6(266): 37–46 (in Russ.). EDN: KVEHLB.
15. Kekeeva Z. O., Uvarova G. N., Darzhinova S. V. Study of network identity of student youth of Russian regions (on the example of Kalmykia and Tuva). *Novye issledovaniya Tuvy*, 2022: 4: 169–179 (in Russ.). DOI: 10.25178/nit.2022.4.13; EDN: JQGIOJ.
16. Kenin-Lopsan M. B. Traditional culture of Tuvinians. Kyzyl. Kyzyl, Tuvinskoe kn. izd-vo, 2021: 248 (in Russ.).
17. Lamazhaa Ch. K. Tuva mezhdru proshlym i budushhim. 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe [Tuva between the past and the future. 2nd edition, revised and supplemented]. St. Petersburg, Aletejja, 2011: 368 (in Russ.). EDN: SDSPJV.
18. Lamazhaa Ch. K. National character of Tuvinians. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istorija, 2018: 240 (in Russ.).
19. Lamazhaa Ch. K. Social culture of Tuvinians and online space. *Novye issledovaniya Tuvy*, 2021: 2: 115–129 (in Russ.). DOI: 10.25178/nit.2021.2.10; EDN: DSAID.
20. Lamazhaa Ch. K. Sketches of modern Tuvan culture. St. Petersburg, Nestor-Istorija, 2021: 192 (in Russ.).
21. Lamazhaa Ch. K. Main problems of the study of kinship and kinship groups of modern Tuvinians: passportisation, terminology and kinship maintenance. *Novye issledovaniya Tuvy*, 2021: 4: 6–21 (in Russ.). DOI: 10.25178/nit.2021.4.1; EDN: UVFFFO.
22. Leont'ev D. A., Shil'manskaja A. E. Life position of personality: from theory to operationalisation. *Voprosy psichologii*, 2019: 1: 90–100 (in Russ.). EDN: MEJWMI.
23. Lukov V. A., Lukov S. V. Subjectivity of youth in the processes of socialisation and enculturation. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya*, 2020: 1: 3–20 (in Russ.). DOI: 10.17805/ggz.2020.1.1; EDN: XXVOFB.
24. Lyutenko I. V. Sociocultural representations of Tuvan youth with unconventional religiosity (sociological experience). *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*. 2023; 29(2): 103–116 (in Russ.). DOI: 10.19181/nko.2023.29.2.9. EDN: GWXIIS.

25. Madjukova S. A., Popkov Ju. V. Sociokul'turnyj neotradicionalizm: vosproizvedenie tradicij i vosproizvodstvo jetnichnosti [Sociocultural neotraditionalism: reproduction of traditions and reproduction of ethnicity]. *Novye issledovaniya Tuvy*, 2010: 2: 25–39 (in Russ.). EDN: PHHLHH.
26. Nartova N. A. Citizenship in the representation of St. Petersburg youth and their parents. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2019: 12: 38–47 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250007742-9; EDN: URRZSE.
27. Persidskaja O. A. The role of value orientations of young Tuvinians in the spatial development of the Republic of Tyva. *Novye issledovaniya Tuvy*, 2019: 3: 41–51 (in Russ.). DOI: 10.25178/nit.2019.3.4; EDN: SDRRQS.
28. Pokida A. N., Zybunovskaja N. V. Legal values of modern Russians: priorities and contradictions. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020: 1: 92–99 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250008327-2; EDN: KMKLB.
29. Popkov Ju. V., Tjugashev E. A. “Lost World”: Tuvan culture in the centre-periphery interpretation of geocultural and sociocultural space. *Novye issledovaniya Tuvy*, 2022: 1: 225–236 (in Russ.). DOI: 10.25178/nit.2022.1.15; EDN: VLVCDB.
30. Seliverstova N. A., Sorokin O. V., Oorzhak S. U. o. The semantic components in the representations of the homeland of Tuvan student youth. *Novye issledovaniya Tuvy*, 2023: 1: 110–124 (in Russ.). DOI: 10.25178/nit.2023.1.6; EDN: KKAIJJ.
31. Socio-stratification processes in the Republic of Tyva. Ed. by Z. T. Golenkova. Moscow, Kyzyl, FNIS RAN, 2020: 128 (in Russ.). EDN: LLBIHS.
32. Tuvinians: Native People. Ed. by Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-Istorija, 2022: 360 (in Russ.). EDN: VXUTKJ.
33. Fominyh E. S. Interrelation of self-efficacy and life position of youth. *Vektor nauki TolGU. Ser.: Pedagogika, psihologija*, 2020: 2(41): 55–59 (in Russ.). DOI: 10.18323/2221-5662-2020-2-55-59; EDN: MKVZGV.
34. Fominyh E. S. Analyticity-holistic in the problems of the mental bases of the life position of young people. *Gumanitarnye nauki (g. Jalta)*, 2021: 3(55): 127–133 (in Russ.). EDN: LBALRL. Hil' I. M. Pravovoe soznanie, social'naja rol' i aktivnaja zhiznennaja pozicija molodezhi [Legal consciousness, social role and active life position of young people]. *Juridicheskij vestnik KubGU*, 2012: 2(11): 15–7 (in Russ.). DOI: 10.18323/2221-5662-2020-2-55-59; EDN: QIZKDR.
35. Shinjaeva O. V., Ahmetshina E. R., Kljueva T. V. Patriotism and civic positions of students of higher education institutions in the context of social modernisation. *Izvestija TulGU*, 2021: 3: 63–78 (in Russ.). DOI: 10.24412/2071-6141-2021-3-63-78; EDN: QHKCSN.
36. Muñoz S. M. Unpucking Legality Through La Facultad and Cultural Citizenship: Critical and Legal Consciousness Formation for Politicised Latinx Undocumented Youth Activists. *Equity and Excellence in Education*, 2018: 51: 1: 78–91. DOI: 10.1080/10665684.2018.1441762.

The article was submitted on: December 14, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nina A. Seliverstova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Center for Sociology of Youth

Oleg V. Sorokin, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Center for Sociology of Youth

Saylana U-o. Oorzhak, Head of the Department of Organization of Scientific Research